

истории древнерусской литературы четко отмечать трансформацию старых литературных жанров и появление новых.

В этом отношении особенно характерно развитие такого популярного в древней Руси жанра, как «житие», исторический диапазон развития которого, от «Жития Бориса и Глеба» до «Жития» протопopa Аввакума, особенно показателен.

Все указанные здесь недочеты учебника Н. К. Гудзия легко устранимы и не умаляют положительных сторон книги, к которым прибавим: четкость ее построения, ясность формулировок и простоту изложения, что делает книгу педагогичной, весьма удобной для учебной работы.

В основном, книга проф. Н. К. Гудзия—книга нужная, весьма полезная для высшей школы; по этой книге наше советское студенчество, будущие литературоведы и педагоги, будет изучать русскую литературную старину и героическое прошлое нашей родины.

Проф. М. Яковлев

В. В. МАВРОДИН, Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Ученые записки ленинградского Педагогического ин-та им. Герцена, т. XI.

Вопрос о времени заселения славяно-русами Подонья и северо-восточного Причерноморья давно привлекает внимание историков. Особенно много внимания было ему уделено в период ожесточенной полемики между норманистами и их противниками в связи с проблемой так называемой «Черноморской» или «Приазовской» Руси.

Предметом специального исследования до последних лет этот вопрос почти ни разу не являлся. Вполне понятно, что появление такой специальной работы, которая, если бы даже не решала вопроса, а только подводила итоги тому, что сделано в этой области, нельзя не приветствовать.

К сожалению, работа В. В. Мавродина не заполняет ни одного из этих пробелов.

В нашем разборе мы касаемся только небольшой части работы, а именно тех ее сторон, где автор или проявляет свое собственное суждение, или вводит в научный оборот новые источники, как например, археологические данные, могущие пролить новый свет на понимание изучаемого им вопроса. Повторяемые автором выводы, высказанные ранее, мы оставляем в стороне.

Первая часть рассматриваемого нами исследования (стр. 231—240) и хронологически и территориально выходит за пределы темы, как она сформулирована автором. Она посвящена этногенезу славяно-русских племен Приднепровья и юго-востока и, как видно, должна служить обоснованием историографически старого положения, что славяно-русское население юго-востока—не результат походов Святослава (X в.), а явление исконное, связанное своими корнями с глубоким прошлым этого края. «Исходя из указаний Н. Я. Марра», автор говорит о «прямых генетических связях древних скифов и сарматов с позднейшим славянским населением» (стр. 231), утверждая, что они (связи) подтверждаются «данными раскопок, произведенных за последние годы на юге европейской части СССР советскими археологами» (стр. 231). Но автор, к сожалению, не нашел нужным отметить, какие конкретно указания Н. Я. Марра он имеет в виду, отсылая читателя к V т. «Избранных работ». Так же поступает он и с «данными раскопок», лишая тем самым читателя возможности проверить высказанные им положения.

Автор заранее предупреждает читателя, что его подход к связям скифо-сарматского мира со славянским совершенно иной, чем у Иловайского, Забелина и др. (стр. 231—237), что он хочет «лишь отметить определенную генетическую связь» (стр. 237) и только.

Однако поставленной проблемы автор не решил и даже не приблизил ее решения. Задавшись целью доказать связь славянского мира со скифо-сарматским и не располагая для этого достаточным фактическим материалом, автор волей-неволей должен был пойти по пути Иловайского, хотя он этого и не хотел.

Учение Н. Я. Марра, к которому автор прибегает для обоснования своих выводов довольно часто, он не сумел применить, и оно оказалось в исследовании автора просто механическим придатком к схеме Иловайского (стр. 232, 235, 237 и др.). Это временами чувствует и сам автор и в наиболее скользких местах предупреждает читателя: «Я отнюдь не собираюсь,—пишет он, касаясь вопроса о связях роксалан и руси,—вслед за Забелиным считать роксалан славянами или утверждать, как Иловайский, а отчасти и Самоквасов, происхождение руси от роксаланов; хочу лишь отметить определенную генетическую связь между яфетидами-роксаланами и индоевропеизирующейся русью» (стр. 237).

Однако подобные заявления автора мало убедительны, так как выводы, к которым он приходит, говорят об обратном (стр. 232, 233, 237, 238 и др.).

Выдвинутое положение об этногенезе славяно-русских племен автор распространяет и на юго-восток. Он считает, что параллельно со славянизацией «потомков скифов, неуров, будинов, сарматов в междуречье Днепра и Волги» (стр. 240) аналогичный процесс, только в меньшем объеме, шел в Предкавказье. «Этим и объясняется,—пишет он,—наличие на Дону и на Кавказе руси-славян, что ставило втупик норманистов, а их противников заставляло прибегать к рискованным выводам» (стр. 240). Автор, однако, не решился взяться за обоснование этого положения и принял его как данное, заявляя при этом что «мы не располагаем данными для того, чтобы проследить процесс перерождения туземных племен яфетических в русские, индоевропейские, и остановимся только на втором процессе—скрещения русского элемента с туземным, главным образом яфетическим. Русский элемент при этом в основе своей пришлый, переселившийся с севера» (стр. 245).

Таким образом, «исконность», автохтонность славяно-русского населения на юго-востоке осталась необоснованной и на сей раз, и автор, посвятив свое дальнейшее исследование «пришлому, переселившемуся с севера» (стр. 245) русскому элементу, должен был начать свое исследование сначала, оставив совершенно за бортом полученные им выводы в первой части и тем самым подчеркнув бессцельность проделанной работы. Но он все же не оставил попытки отыскать славяно-русов на юго-востоке до походов Святослава, опираясь преимущественно на восточные и византийские источники.

Дать более того, что дали его предшественники, автор не смог и в своей концепции не сумел увязать эту пришлую до походов Святослава Русь со всей последующей историей русского населения на юго-востоке, хотя к X в. она и достигла, по его словам, высокой ступени развития: в IX в. «налицо не просто славяно-русское население, но уже существует «государство» кагана русского» и «князь новгородский Бравлин, причем Новгород этот следует искать не на севере, а на юге» (стр. 245); в X в. «Хальгу—Олег... не связанный с Киевом туземный владыка Черноморской Руси» (стр. 246).

Возникновение русского Тмутараканского княжества автор вынужден был всем ходом событий поставить в связь с походом Святослава (стр. 247), совершенно забыв всю предшествующую историю местной туземной и «пришлой» Руси до 2-й половины X в.

Ошибка автора, как и его предшественников, состоит в том, что, не имея прямых указаний ни у восточных, ни у византийских писателей о славяно-русских поселениях до X в. на юго-востоке, он во что бы то ни стало хочет приурочить отдельные замечания этих писателей о Руси IX—X вв. (походы на Каспий и Закавказье, набег на побережье Черного моря) к юго-восточной Руси, между тем как на некоторые из них нужно было бы взглянуть с иной точки зрения.

Так, замечание Масуди о том, что берега Танаиса (Дона) «обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами, углубленными в северных краях» (стр. 240), не мешало бы продумать в свете археологических данных верхнего и среднего Дона (на что уже обратил в свое время внимание акад. Ю. Готье)¹, где имеется достаточное количество археологических памятников славянства IX—X вв., вполне подтверждающих замечание Масуди. Нижний Дон этого не дает.

Но автор предпочитает для отсутствия славянских археологических памятников IX—X вв. на нижнем Дону подыскать какое-либо произвольное обоснование, вместо того чтобы подойти к пониманию замечания Масуди с иных позиций.

¹ Ю. В. Готье, Железный век в восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 89.

Так, на стр. 256 он пишет: «отсутствие вещей, типичных для приднепровских славян, еще ничего не означает, — вещи могли быть местного типа, а изготовившие их русскими, славянами... Материальная культура, быт, обычаи, одежда и т. д. этих «русов» — славян носят местный характер и не могут быть тождественными приднепровской».

Еще менее дают для обоснования положения автора сказания о походах «руси» на Каспий и в Закавказье. Если вдуматься в маршрут похода 913—914 гг., то мы найдем в нем скорее подтверждение тому, что походы совершались киевской «русью», а не юго-восточной. Ей же, киевской «русси», а не юго-восточной, как это утверждает автор (стр. 245), должно принадлежать и посольство «кагана русского» Бергинских летописей. Невозможность возвращения посольства прямым путем из Византии в Приазовье была бы необъяснима, если бы посольство принадлежало юго-восточной «русси». Для Киева это вполне закономерно и в IX в. и позднее (ср. хотя бы смерть Святослава).

Наибольшего расцвета славяно-русское население юго-востока, по мнению автора, достигает в период «феодалной экспансии» X—XII вв. (стр. 257).

По археологическим памятникам, зачисляемым автором в разряд славяно-русских (со времени походов Святослава автор, как видно, допускает, что славяно-русы юго-востока стали вырабатывать вещи, тождественные Приднепровью), восточная граница территории, занятой русской колонизацией, проходила по Кубани выше гор Краснодар (селище у аула Тлюстенхабль, стр. 255), западная — по восточному побережью Крыма (поселение у поселка Коктебель, стр. 251), северная — по Дону, у ст. Цымлянской (городище Саркал, стр. 255), южная — ст. Таманская (стр. 255). С выводами автора трудно согласиться. Нельзя же признать обоснованным отнесение к поселениям «русского типа, тождественным приднепровским» (стр. 255), поселения Прикубанья, обнаруженные экспедицией В. А. Городцова в 1930 г., исключительно на основе небогатого подъемного материала¹, главным образом так наз. «славянской» керамики с линейным и волнистым орнаментом. Этого, конечно, недостаточно для выводов и о хронологии и об этнической принадлежности памятников. Мы имеем в литературе указания, хорошо известные автору, что подобного рода керамика бытует на юго-востоке хронологически значительно раньше, чем ее датирует автор². Предварительные результаты, полученные нами при изучении аналогичной керамики из раскопок Таманской экспедиции ГАИМК 1930/31 г. на Таманском городище³, подтверждают хронологические границы, намеченные для нее М. И. Артамоновым (VIII—X вв.). Исходя из этих фактов, нельзя согласиться с мнением автора, что отмеченные им поселения Прикубанья относятся к X—XII вв.

Этот же тип керамики в основном послужил поводом зачисления в разряд поселений «русского типа» X—XII вв. и поселения восточного побережья Крыма у поселка Коктебель (стр. 251).

Отсутствие каких-либо иных данных, кроме отмеченных автором археологических памятников, относящихся безусловно к более раннему периоду, чем XI—XII вв., не дает возможности согласиться с намечаемыми автором границами расселения в X—XII вв. славяно-русов на юго-востоке.

Небезынтересно остановиться и на некоторых деталях в области археологических изысканий автора.

Так, автором совершенно произвольно высказано утверждение, что в раскопанном Таманской экспедицией ГАИМК 1930/31 г. Таманском городище «слои X—XII вв. несомненно уже славянские, русские, тмутараканские» (стр. 255). Ко времени выхода в свет работы автора материалы из этих раскопок никем еще не были обработаны, и говорить что-либо об их этнической принадлежности абсолютно не представлялось возможным, тем более автору, который с ними совершенно не соприкасался.

¹ Хранится в коллекциях краснодарского Педагогического ин-та.

² М. И. Артамонов, Средневековые поселения на нижнем Дону, стр. 45—48, 57—64.

³ Коллекция Эрмитажа и ИИМК АН СССР.

В искаженном виде преподносит он и другой памятник—могильник около Лысой Горы на Тамани, утверждая, что, помимо переименованных им вещей, в могильнике обнаружены «и д р у г и е¹, с в о й с т в е н н ы е древнерусским курганам и могильникам вещи» (стр. 255). Никаких д р у г и х вещей, кроме переименованных автором, раскопками Люценко (а не Тизенгаузена, как ошибочно вслед за Н. И. Репниковым² и Б. В. Луниным³ утверждает автор) в могильнике обнаружено не было, и автор проявил здесь полный произвол, так же как и в своем утверждении о «р а с к о п а н н о м в полукилометре от аула Тлюстенхабль древнем селище» (стр. 255), никем и никогда с целью археологических изысканий не копанном. Ошибочно утверждение автора, вслед за Б. В. Луниным, о крепостной стене Таманского городища (стр. 255). Никакой крепостной стены на городище до сих пор вскрыто не было.

К числу вопросов, где автор высказывает собственное суждение, следует, пожалуй, отнести понимание им терминов «русь», «русы».

В одних случаях это у него славяне («наличие «русов», русских, т. е. славян» (стр. 243), в других—«русы—воины, грабители и мореходы могли быть в какой-то части и норманами» (стр. 256), в третьих—«они («русь».—И. Л.) кавказцы, а следовательно, отличаются от славян средней полосы» (стр. 256), в четвертых—это просто какой-то конгломерат («русь»—«рош»—Кавказская—смешанное, в значительной мере яфетическое, население Причерноморского гео-этнического района» (стр. 239). Ничего членораздельного, ясного в этих суждениях найти нельзя! Нам кажется, что здесь сказывается просто небрежность автора, как и во многих других частях его работы. Так например, буквально на двух смежных страницах у него уживаются прямо противоположные мнения об одном и том же. На стр. 251 автор утверждает, что Ростислав, «так же как и Мстислав и Олег Святославич, рассматривает свое пребывание в Тмутаракани не как нечто временное, а глубоко пускает корни и прочно обосновывается здесь», а на стр. 253, говоря об Олеге Святославиче, он отмечает, что и в период первого своего пребывания в Тмутаракани (1078 г.) и второго (1083—1094 гг.) он обосновывается здесь лишь для того, чтобы «набрать дружину и итги отнимать свою «отчину» или выжидает удобный момент, чтобы возобновить борьбу за «отчину».

Нельзя не отметить также, что и стилистически работа автора написана тяжелым, местами даже небрежным (стр. 233, 234, 238, 239 и др.), особенно в первой части (стр. 231—245), языком, что вместе с отмеченными нами выше недостатками делает работу трудно усвояемой и к тому же не только не разрешающей проблемы, но в некоторых частях даже усложняющей ее и притом без надобности.

И. Ляпушкин

Обзор иностранных журналов

JOURNAL DES SAVANTS

1936 г.

Во 2-м и 3-м выпусках (март-июнь) помещены две большие статьи Каркопино о новом издании «Переписки» Цицерона (J. C a r c o p i n o, Une nouvelle édition des Lettres de Cicéron, p. 49—58 et 104—115), подготовленном французским ученым L. A. C o n s t a n s.

В 4-м и 5-м выпусках J e a n B a u e t дает обширную рецензию («L'agonie de la république romaine», p. 163—173 et 213—224) на книгу Г. Блока и Ж. Каркопино, Histoire Romaine, II. La république romaine de 133 à 44 av. J. C.

¹ Подчеркнуто нами.

² Н. И. Р е п н и к о в, О древностях Тмутаракани. «Труды секции археологии», РАНИОН, т. IV, М., 1929.

³ Б. В. Л у н и н, В поисках древнего Тмутараканя. Лит.-худ. журнал «На подъеме», 1935, № 3—4, Ростов н/Д.